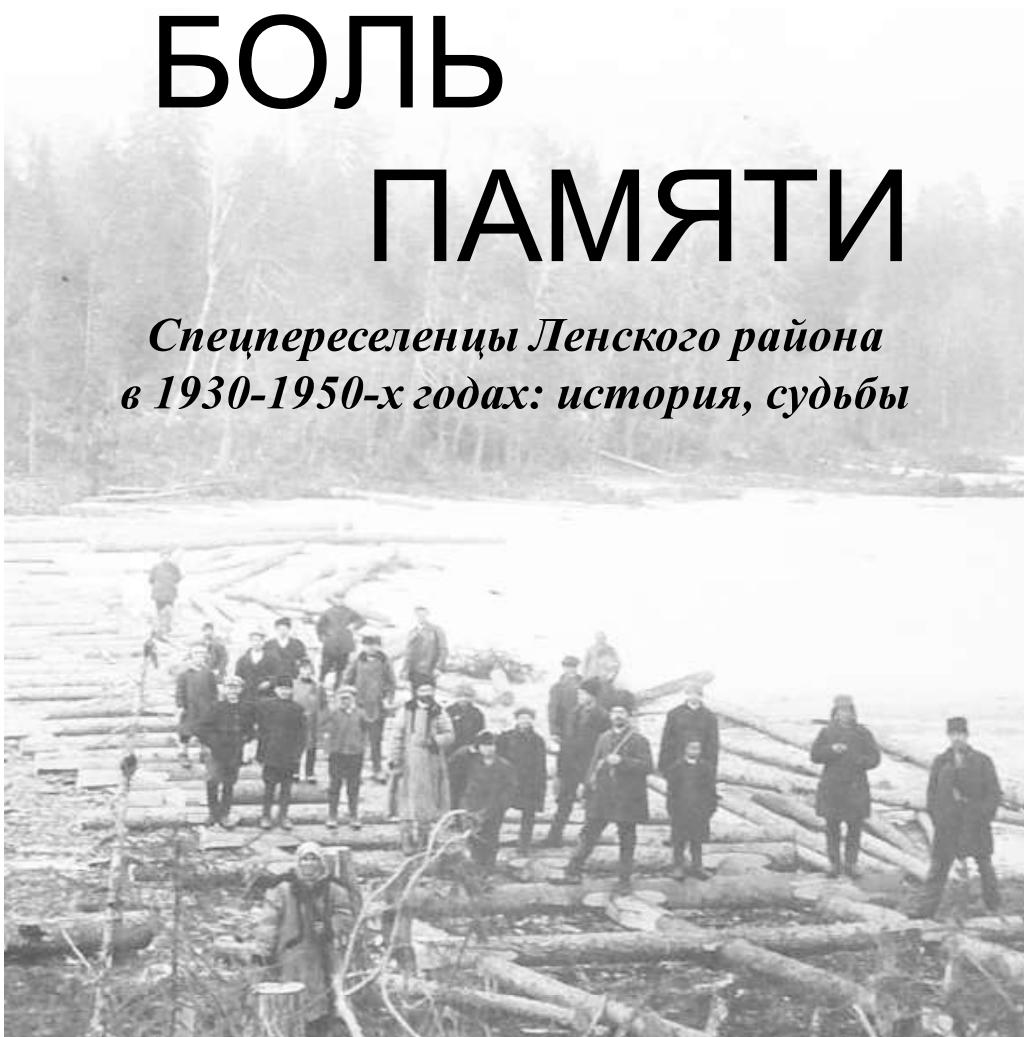

БОЛЬ ПАМЯТИ

*Специпереселенцы Ленского района
в 1930-1950-х годах: история, судьбы*

2009

63.3(2Рос—4Арх 5Ленский)615-4

Б79

*Посвящается светлой памяти
Е.В. Петровой и Н.Е. Ильина.*

Издана при поддержке комитета по молодёжной политике Архангельской области в рамках долгосрочной целевой программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации в Архангельской области на 2009-2011 годы».

Боль памяти. Спецпереселенцы Ленского района 1930-1950-х годов: история, судьбы./Автор-сост. О.А. Угрюмов. – Яренск, 2009. – 300с., фото.

Долгое время история освоения спецпереселенцами в 1930-1950-х годах XX века русского Севера, в том числе и территории Архангельской области, освещалась крайне слабо либо вовсе не освещалась в трудах историков и краеведов. И это при том, что трудно назвать в прошедшем веке какое-то другое явление, которое бы столь значимо отразилось на развитии экономики, на других сторонах жизни края.

То, как проходило выселение из южных областей, средней полосы страны крестьянских семей, как осваивались они в наших северных условиях, как сложились судьбы спецпереселенцев, показано на примере Ленского района. В книге представлен материал о судьбах спецпереселенцев, собранный яренскими школьниками из историко-туристического клуба «Поиск».

Книга рассчитана на широкий круг читателей, кто интересуется историей родного края.

© Угрюмов О.А., 2009

Нам забывать такое не позволено

Трудно давать оценки каким-то событиям в нашей с вами истории. И особенно тем, которые произошли в недавно ушедшем от нас двадцатом веке, которые живы в чьей-то памяти и воспоминания эти отзываются болью и слезами. Потомок наш, историк будущего, с высоты своих годов, быть может, станет более трезво и хладнокровно оценивать: каким выдался он, двадцатый век? По датам, как по полочкам, примется раскладывать дела, решения, события, документы, поступки героев и антигероев. Если только получиться у него всё так разложить...

Сейчас одно можно с уверенностью сказать: для наших земляков век этот оборачивался чаще всего не самой светлой своей стороной. И слушая рассказы тех, кто пережил и коллективизацию, и военные годы, кто с упорством последней крестьянской коняги оставлял на пашне или в лесу свое здоровье, согреваясь лишь мечтой о светлом будущем, невольно ловлю себя на мысли: неужто всё это могло вместиться в одном-двух поколениях?

Но не умаляя всей тяжести, выпавшей на долю этих людей, всё же рискну сделать один вывод: самые трагичные страницы вековой истории вычегодской земли связаны с другим событием. Имя ему – спецпереселенцы.

Самому этому слову, казалось, было суждено навсегда исчезнуть напрочь из нашего языка. Те, кто пережил и выдворение из родных мест, и тяготы пути в неизвестность, и суровую науку выживания в северных краях, старались об этом не вспоминать. Даже с собственными детьми не делились пережитым. Боялись? Возможно, что и так, но боялись не за себя.

– Детей в школе в пионеры принимали, в комсомольцы, – признавалась пожилая женщина, – каково им было бы узнать, что их мать была в свое время причислена к «кулакам», к «врагам народа»?

В школьных учебниках истории о выселении молодой Советской властью тысяч семей крестьян с родных мест не упоминалось даже словом.

Так и вырастали целые поколения людей, для которых трагические страницы отечественной истории были изъяты услужливыми историками.

Заговорили о спецпереселенцах сравнительно недавно, лет двадцать назад. И как заговорили! Столько довелось наслушаться за эти годы не судей даже – гневных прокуроров истории, что поневоле, боясь последовать их примеру, к оценкам того времени и тех событий подходит с осторожностью. Что же происходило тогда, в тридцатые и сороковые годы, в наших северных краях? За что было сослано такое количество народу?..

В поисках ответов на эти вопросы председатель районного Совета ветеранов Евгения Владимировна Петрова осенью 1995 года впервые собрала в одном зале тех, кому доводилось, и не раз, слышать в свой адрес злое «...кулаки». Кто возрастом помладше – были в годы высылки ещё детьми, кто постарше – хорошо помнили и первые бараки, и страшный голод 1932 года. Но у каждого были свои воспоминания, и каждый рассказ был криком души, который, быть может, впервые вырвался наружу.

Были на встрече этой яренские старшеклассники, были учителя. Трудно сказать, что пережил каждый из них, слушая эти рассказы. Но, как мне кажется, общее мнение выразил учитель Яренской школы Николай Евгеньевич Ильин:

– Я считаю, что мы просто обязаны донести эту правду для нынешних поколений жителей нашего района. А для этого нужно собрать ребят, сходить в походы к местам, где находились поселки спецпереселенцев, записать воспоминания тех людей, кто был насильно выслан в эти края.

Так был образован историко-туристический школьный клуб «Поиск». Бессменным руководителем его стал Н.Е. Ильин, научным руководителем – автор этих строк. Летом 1996 года был совершен первый двухдневный поход в тайгу, к реке Ледня, в которой даже в июньский полдень была такая холодная вода, что в нее невозможно было забрести. В 1930 году руками спецпереселенцев из Поволжья и других областей страны был тут построен крупный посёлок с таким же названием – Ледня. И жизнь здесь была такой же суровой, как студеная вода в реке.

Многие жители поселка погибли уже в первые годы: от болезней, непривычной работы в лесу, от голода. Позже был выстроен неподалеку от Ледни еще один поселок, в бараках которого поселили привезенных с Кубани людей. Почти все они там и погибли...

Участниками похода было обследовано место, где стоял посёлок. При входе в него был установлен памятный знак. В то лето и в последующие годы проведены походы на реку Уктым, в Озерное и на Сендугу, эти места тоже связаны с жизнью спецпереселенцев.

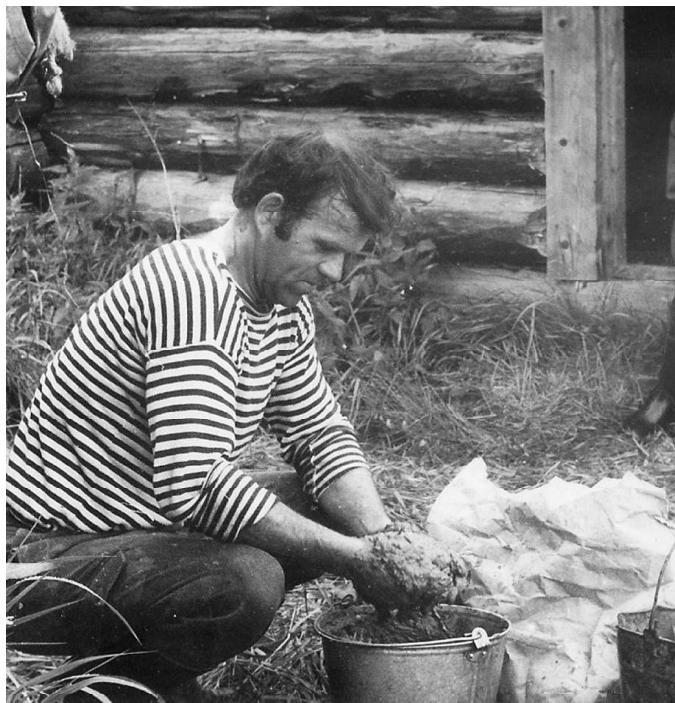
Лето 1996 года. Первая экспедиция клуба «Поиск» в бывший спецпосёлок Ледня. Часть пути школьники проехали от посёлка Гыжег по узкоколейной железной дороге, затем шли пешком.

Участники экспедиции установили небольшой памятный знак на месте, где находился посёлок Ледня.

Руководил экспедицией опытный турист учитель Николай Евгеньевич Ильин, *на снимке внизу*. Вся дальнейшая деятельность клуба проходила под его руководством.

Принимали участие члены клуба и в сооружении памятника жертвам политических репрессий, он находится сейчас на территории Яренского кладбища. 1996 год.

На снимке внизу - Н.Е. Ильин беседует с бывшей жительницей посёлка Тесовая Е.П. Толстик.

Дан старт новому походу, на этот раз школьники Яренска и Урдомы начинают его из посёлка Витюнино. 1997 год.

Члены клуба «Поиск» у мемориального памятника жертвам политических репрессий в городе Ухта. 1998 год.

Фото О. Угрюмова.

Побывали старшеклассники в посёлках Литвино, Лупья, Нянда, Очя и других. И везде, где только было возможно, встречались с бывшими спецпереселенцами.

Уходили из клуба, окончив школу, одни юноши и девушки. На смену им приходили другие. Лена Лукошникова, Ольга Коровкина, Ирина Бычкова, Лена Копнова, Алексей Дорофеев, Костя Попов, Аня Белоголова, Миша Гончаров, Костя Роговской, Катя Угрюмова и многие другие яренские старшеклассники тех лет не пасовали перед трудностями, когда приходилось с тяжёлыми рюкзаками отмерять километр за километром по глухой тайге. Участвовали в экспедициях по району суходольские школьники во главе с учителем истории Е.А. Безменовой, урдомские старшеклассники.

А в 1999 году все материалы походов по району и собранные за время экспедиций воспоминания бывших спецпереселенцев были обработаны и дополнены. Об издании настоящей большой книги тогда можно было только мечтать, но руководители «Поиска» с помощью работников Яренской библиотеки сумели выпустить рукописную книгу «Боль памяти» тиражом в три экземпляра.

Это было не первое издание об истории спецпереселенчества в Ленском районе. Директор Яренского краеведческого музея (сейчас – научный сотрудник его) Б.А. Угрюмов уже много лет занимается изучением истории крестьянства в Яренском уезде и Ленском районе, готовится к защите диссертации по этой теме. В своей работе «Крестьянский вопрос», которая публиковалась в районной газете «Маяк» в 1991 году, теме спецпереселенцев была посвящена отдельная глава, написанная на основе материалов районного и областного архивов. «Боль памяти» стала своеобразным дополнением к ней, к официальному голосу документов добавились живые голоса очевидцев тех далёких событий.

Но сейчас, спустя ровно десять лет после выпуска книги «Боль памяти», назрела необходимость обобщить все материалы, объединить воспоминания, собранные школьным клубом с документами архивов, другими материалами, чтобы полнее показать события 30-х и 40-х годов, роль спецпереселенцев в развитии края, всю трагичность судеб сотен и сотен людей. Благодаря тому, что проект Яренской библиотеки «Пишем книгу о крае Вычегодском» вошел в число победителей областного конкурса проектов в сфере государственной молодёжной политики молодежных проектов, такая возможность появилась.

Надо сказать, что изучение истории спецпереселенцев в Ленском районе превратилось для нас в семейное дело. О старшем брате, научном сотруднике Яренского краеведческого музея Б.А. Угрюмове, я говорил выше. Мне самому довелось вместе с членами клуба «Поиск» заниматься сбором

воспоминаний бывших спецпереселенцев и других материалов. Ряд моих очерков по этой теме опубликованы в областной газете «Правда Севера».

Жена Марина, она работает директором Яренской библиотеки, в 1998 году была избрана руководителем общества «Память», которое объединяет бывших спецпереселенцев и их детей. По инициативе активистов общества 15 июня, день, когда в 1930 году в наш район прибыла самая крупная партия спецпереселенцев, объявлен Днем памяти.

Занимались в клубе «Поиск» и наши дочери. Старшая, Юлия, будучи студенткой исторического факультета Поморского университета, работала с документами по спецпереселенцам в областном архиве, участвовала в работе клуба «Поиск». Она выбрала историю спецпереселенчества в Ленском районе темой для написания курсовых и дипломной работы, которую успешно защищила в 2001 году. Младшая дочь, Катерина, была участницей всех экспедиций клуба «Поиск». Так что они по праву являются авторами этой книги.

Самых благодарных слов за поддержку пожилых людей, кто пережил тяжёлые испытания, заслуживает недавно ушедший из жизни председатель районного Совета ветеранов Евгения Владимировна Петрова. Это благодаря её инициативе и настойчивости, на кладбище села Яренск в 1996 году был установлен памятник всем жертвам политических репрессий. Непосредственное участие в этом принимали и активисты клуба «Поиск».

Ряд интересных публикаций о спецпереселенцах, живущих в посёлке Очея, сделал в районной прессе житель этого поселка В.А. Ищенко, большой материал по спецпереселенцам собрали научные сотрудники Яренского краеведческого музея А.М. Лиханова и Н.А. Хлызова. Зазвучала эта тема и в докладах на научно-практических конференциях старшеклассников района «Юность Севера».

Вот уже несколько лет изучением истории спецпереселенцев на русском Севере, в том числе и в Ленском районе, занимается аспирантка, а теперь – преподаватель Сорбонского университета (Париж, Франция) Элен Мондон. Она не раз приезжала в наш район, встречалась с бывшими спецпереселенцами в Яренске, Урдоме, Нянде, Очее. Элен предоставила нам ряд интересных материалов, собранных ею в архивах Архангельска, и этим тоже очень помогла в создании книги.

Благодаря усилиям этих людей, трагические страницы высылки в наши края сотен крестьянских семей не осталось белым пятном в истории.

Олег УГРЮМОВ, журналист

Глава первая
Ледня -
река студёная

Чистый луч – восхода ли, заката? –
два мазка откинул на стекло.
Кто-то, громыхнув в тиши ухватом,
одарил весь дом печным теплом.
На клубок, что без конца и без начала,
с тысячей оттенков и цветов,
под лоскутным вились одеялом
легкие обрывки детских снов.
И казалось: светом ослеплённый,
мир умрёт без солнца и реки.

...Нары. Мрак промерзшего вагона.
Полустанок. Остановка эшелона.
Крик охраны:
– Выходите, кулаки!

«...покрыты бесконечными лесами»

Вычегодский край с его удалённостью и оторванностью от больших городов, с необъятными лесными массивами словно создан для выселения сюда лиц неугодных власти, будь это царское самодержавие или советское правительство. Несколько месяцев мучительной ссылки, будучи уже смертельно больным, закованным в кандалы, отбывал ссылку в Яренской крепости дядя будущего первого российского государя из рода Романовых Василий Никитич. В конце XVIII века князь Василий Васильевич Голицын, фаворит царицы Софьи, сосланный Петром Первым на вычегодские берега, писал воеводе Скрябину жалостливые членобитные «...сосланы мы бедные в Еренск и живём в заточении многое время и погибаем томною злую смертию и пришли вознищание и в болезни от смертного заключения, только дух наш в нас еле обретаетца»¹.

Из политических ссылочных XIX века, проходящих в ведомостях по надзору в уездном городе Яренске, наиболее значимой фигурой был П.И. Войнаральский. Позже он стал видным революционером-народником, одним из будущих руководителей движения «хождение в народ». А пока скрашивал дни яренской ссылки бурной деятельностью: изучал коми язык и, как свидетельствует отчет полицейского исправника, «деятельно хлопочет об открытии в г. Яренске публичной библиотеки и для этой цели жертвует свои собственные книги...»².

К началу ХХ века уезд изменился. Над Вычегдой привычно раздавались пароходные гудки, и дым паровозных труб уже не приводил в крайнее изумление жителей прибрежных деревень. Традиционное занятие вычегодцев – охота на пушного зверя, благодаря которой даже старинный герб Яренска украсили фигурки белок, постепенно вытеснялся другим выгодным делом – заготовкой древесины.

Но Яренский уезд продолжал оставаться всё таким же глухим углом, оторванным от большого мира. И эта оторванность сильнее всего бросалась в глаза человеку, впервые попавшему в эти края. Небольшое по размеру, но живописное описание края начала XX века оставил один из спутников вологодского губернатора А.Н. Хвостова, который летом 1908 года предпринял попытку забраться в один из самых глухих уголков губернии, к реке Ухта, к нефтяным промыслам.

Вот какая картина открылась побывавшим в уезде губернским чиновникам: «Вычегда от Сольвычегодска до Яренска верст на сто имеет довольно однообразный характер: все время идет правый высокий берег, а левый низкий. Они покрыты бесконечными лесами, в которых оазисами попадаются где одна деревенька, где несколько вместе и начинает казаться как будто тут и населено, но на самом деле берег если и разделан, так только на версту вглубь, много на полторы, а дальше бесконечный пустынный лес с мхом, болотом, ломом – обычная картина. Лес то подступает к самому берегу, то отойдет подальше, но в общем-то совершенно задавил рискнувших здесь поселиться и припер их вплотную к реке... Везде и увидишь такую картину, что едешь по реке, как будто есть население, а стоит от реки пройти узеньку полоску земли, похожую на разделанную или хотя бы имеющую такой вид, что к ней приложены человеческие руки, и попадешь в самую настоящую лесную, болотистую и мховую пустыню и можешь быть уверен, что и день пройдешь по ней, и два, и неделю, и не встретишь ни одного человека, ни одного следа жилья человеческого не встретишь»³.

Таким было видение края человеком, который сытно пообедав за губернаторским столом и выйдя на палубу, разглядывал вычегодские берега с борта комфортабельного катера. Прибыл он сюда ненадолго, прекрасно зная, что после путешествия по столь удаленным местам благополучно вернется в привычный большой город. Оттого и воспринимался этот край, как нечто экзотическое.

Нетрудно представить себе впечатление от мрачной картины нависших над водой лесов, возникшее у того, кто насильно был доставлен на эти берега. Более того, кто прекрасно понимал: тут, среди лесов и снегов, уготовано прожить ему даже не месяцы – годы.

В самом начале XX века такое довелось пережить – в большинстве случаев в нужде – сотням политических ссыльных, отбывавшим свой срок в Яренске и расположенных рядом с ним деревнях.

В начале 30-х годов того же века – в тяжелом труде, болезнях, а порой и мучительном голоде – эти испытания вынесли на себе тысячи спецпереселенцев, загнанных в самую глубь вычегодской тайги.

Пошли на Север эшелоны

Кто знаком с историей нашей страны, тот помнит, что первые годы Советской власти были отмечены тяжелейшей борьбой не только на фронтах гражданской войны. Бороться приходилось и за хлеб, зачастую силой изымая его у крестьянина методом продразверстки. С окончанием войны проблема обеспечения страны хлебом не утратила своей остроты, выход из положения Кремлю виделся один: коллективизация сельского хозяйства. Но для этого было необходимо решить один важный вопрос: как поступить с зажиточной частью деревни, так называемыми «кулаками», которая всеми силами будет препятствовать проведению преобразований.

Выход был найден: ликвидировать кулачество как класс, освободить от него деревню. 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

«Кулаков» поделили на три категории. К первой отнесли тех, кто особенно нетерпимо относился к Советской власти и открыто выступал против организации колхозов, одним словом, был зачислен в контрреволюционный актив. Главы таких хозяйств подлежали незамедлительному аресту. Ко второй категории была отнесена наиболее богатая часть деревни, так называемый антисоветский актив. Их, так же как и семьи «кулаков» первой категории, надлежало выслать в отдаленные районы страны на спецпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой», трудпоселением или трудссылкой). Третью категорию составляла зажиточная часть деревни. Она тоже подлежала раскулачиванию и высылке, только не на спецпоселение, а внутри своей области или края.

Насколько же такой документ соответствовал законодательству того времени? В юридических документах 30-40-х годов вы не найдете и упоминаний о массовой депортации крестьян. Да и проводилась она не судебными, а административными органами. А раз так, то и попадала под определение административной высылки.

Но и в данном случае о соблюдении закона говорить сложно. Административная высылка и ссылка по действующему на ту пору законодательству назначалась на пять лет, крестьянская высылка пре-вращалась фактически в бессрочную. И еще один момент: адмвысылка, как трактовалась она юридическим языком, носила индивидуальный характер, крестьян же высыпали семьями вместе со стариками и детьми.

Не предусматривалось законодательно обязательного привлечения ссыльного к труду, на деле же депортированному крестьянству труд и род